

В.В. Розанов
Падающие колосья

По изданию: Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории. Том 28. Москва, 2009 г.

Впервые опубликовано в газете «Русское Слово» № 62, 1897 г. под одноименным названием.

Несколько господ, из коих большинство — выражаясь языком Герцена — "преимущественно ничего не писали" и меньшинство, при всех потугах, не написало ничего значительного, образовали из себя в С.-Петербурге "Союз писателей". Малое союзнится, ожидая, что выйдет из него большое, по аналогии, что и горы образованы из песчинок. И вот г. Гамма, — слишком известный г. Гамма, чтобы о нем распространяться — ликует в "искренних речах" своих, в № 11 не крещеной или слабо крещеной газетки "Луч".

Песчинок собралось 24 января "около девяносто", — пишет он, — "в том числе и все наши писательницы" (*как страшно! Но неужели была и г-жа Микулич, автор прекрасных "Зарниц"? Неужели и она обманулась?*). "Почти все известнейшие публицисты, романисты, поэты" собрались: "седые головы" 60-х годов "преобладали в собрании". "Предмет занятий сводился в очень скучной выборной процедуре; но оживленные разговоры, встречи со старыми друзьями, новые знакомства и общее одушевление, общее проникновение одной и той же мыслью, сознание близости и возможности достижения для всех важной, заветной цели — покрывали баллотировочную механику и превратили это собрание в интимнейший раут, в нечто подобное тем салонам, которыми славились прежде главнейшие умственные центры".

Как уже сообщалось в "Новом Времени", из "Союза" почему-то исключены именно и преимущественно "писатели": нет г. Майкова там — поэта; нет г. Стасюлевича — ученого, нет г. Шубинского — журналиста, нет собственно "писателей", а только "пишущие", которым очень

хочется пометать, что и они "писатели"...

Собрание 90 "пишущих", все "об одной мысли", о мысли без всяких вариаций "одной и той же" у всех, показалось Гамме "редким многолюдством", и оно уже "само по себе" доказало ему, а он "доказывает" читателю, как "насушна потребность, которой призвано служить это новое литературное общество, этот Союз русских писателей (*т.е. почти писателей*). Этою "насушною потребностью" Гамма гипнотизирован; он уверен, что ею будет гипнотизирован и каждый; он, трудно различить, грозит или манит: "Нет сомнения, что каждый русский писатель (*т.е. уже настоящий*) сочтет своим нравственным долгом примкнуть к этому общему делу, потому что основная задача Союза заключается в *соединении* (курс. его) всех литературных тружеников, всех представителей печати во имя *общих* (его курс.) всем им интересов, независимо от партий (*ну, будто бы*) и направлений, личной вражды, мелочных счетов, раздражений и предубеждений".

Хорошо пишет г. Гамма.

Ну вот тут... "эка закавыка":

"В Союзе не будут участвовать только те, кто чужд общим литературным интересам (*все так неопределенно*), кто не понимает основных задач печатного слова (*ну уж Майков-то не понимает: чего же не пригласили?*), обязательных для каждого честного, убежденного (*да в чем? что за темнота!*), верного своему призванию писателя, или, что еще хуже (*что еще хуже?*) нарушает эти основные задачи, противодействует им. Будут чужды Союзу (*о как страшно*) и отринуты им (*Боже, отринуты!*) и те, кто злоупотребляет печатным словом, пользуясь им для противонравственных (чуть не прочел: для противоестественных) целей, каковы, например (*а, добрались!*): лживые доносы, шантаж, продажность, биржевые спекуляции и т.п."

От страха перевертываю страницу и читаю "Далее"...

Дальше уже следует в "искренних речах" (и выбрал же название) чистая "литература": "Союз предназначен для выяснения и укрепления"... "Будем надеяться, что Союз оправдает"... "к вящему процветанию и развитию словесности, стяжавшей уже во всех своих видах весьма почетное, в некоторых случаях даже выдающееся, место в умственной жизни всех просвещенных народов"...

И, словом, как всегда у Гаммы: "Шампанского!"... и "все писательницы" с замиранием слушают...

Но вот немножко дела. Тут же рядом с "искреннею речью", без сомнения — правдивая речь: это "Дневник петербуржца".

Он продолжает, с тем же пафосом, о "празднике русских литераторов". 24 января и у него мы находим сперва "немножко в духе" вновь

образованного Союза:

"Шестидесятые годы, поистине, были расцветом русской литературы и жизни. С тех пор прошло 30 лет, и вот литературные, а вместе с тем и общественные нравы изменились. Кто на кого повлиял, общество ли на литераторов, литераторы ли на общество — неизвестно. Здесь нужно предполагать взаимодействие *дурного тона*, которое, в свою очередь, вызвано, вероятно, отчасти историческими условиями".

И, наконец, "немножко программы" Союза:

"Новое общество литераторов обратит главное свое внимание на молодых писателей, в большинстве талантливых, но... как бы это сказать?.. неустойчивых, тем более, что они не виноваты или почти не виноваты (*лести-то, заискиванья-то перед "молодыми"...*) в своей неустойчивости: виновато время — виноваты тяжелые материальные условия, при которых приходится работать большинству их, виноваты скверные примеры, которые они видят вокруг, примеры не только не осужденные, а, наоборот, чаще всего вызывающие в их среде зависть, восторг, выражающийся восклицанием: "Ах, если бы мне то же!" (*ну уж, что же это за писатели? а все-таки и таким даже льстят*). Пусть новое общество поднимет... пусть оно послужит... для молодых писателей живым олицетворением... чтобы молодые писатели чувствовали себя *под его нравственным контролем* и могли *найти в нем нравственную опору и суд*".

Суд, главное суд... на "молодых писателей, ускользающих от старичков 60-х годов. Вот в чем все дело и где "гвоздь" образованного "Союза", исключившего истинных писателей, ограничившегося "почти" писателями, но зато, по выражению Тургенева, "с начинкой". То-то и Н. Михайловский трубит о "Союзе" в только что вышедшем январском № "Русского Богатства"... Старички поднялись; старички в последних степенях негодования; вокруг их пусто; могила близится; все от них бегут — уж извините — зажимая нос: мертвым пахнет. И вот в ожесточении ярости, они собираются кричать: "донос", "шантаж", "продажность", "биржевой спекулянт" — о всяком, кто не пребудет еще с ними, кто делает шаг в сторону...

Зачем так нужны им живые люди? Что за тяготение к молодости? "Свобода, господа, свобода — прежде всего", повторим мы их же слова. Свобода мысли и слова — без этого нет литературы; и, ради Бога, не инквизиторствуйте: что вам дело до мотивов, по коим вас бросают; ради Бога, оставьте полицейско-инквизиционное "чтение в сердцах", о коем говорил еще старик Щедрин. Вы намекайте на "материальные условия", из-за которых вас будто бы бросают: но отчего же, ведь ваши издательства все еще идут отлично, ведь "выручку" не всю же вы кладете в кар-

ман и уплачиваете гонорары? Может быть, вы хотите их повесить для "молодежи", чтобы удержать ее? Но какая же, подумайте, какая же молодость останется с вами, если она останется из-за рубля?..

Старые селадоны — оставьте молодость.

Оставьте идти, куда она хочет, повинувшись движениям сердца, а не страху перед клеветою, которую вы собираетесь в нее бросить.

Оставьте молодость. Старая нива, побитая невзгодами, не имевшая силы удержаться, с осыпавшимся зерном, не посягай на озими, из-под тебя пробивающиеся. Еще день пройдет, еще немногие мелькнут дни, и успокойтесь, успокойтесь тщеславные старички — вас снесут в Пантеон нашей литературы, на знаменитое "Волково кладбище", туда, где покоятся "останки"... Успокойтесь, успокойтесь: над вами выбьют металлические дощечки с прописью дня и года рождения, года и дня смерти, отечества и имени, и что-нибудь в стихах или прозе о заслугах...

Успокойтесь и не волнуйтесь...

Мы, кого вы называли или готовились назвать "шантажистами", "биржевиками", "доносчиками", — едва тление бытия вашего рассеется, и воздух станет лучше, с полной любовью и забвением обид понесем кости ваши на "знаменитое" кладбище и пропоем печальное и вечное:

"Со святыми упокой"... Идеже несть печаль, ни болезнь, ни воздыхание"...

Ради Бога успокойтесь... Все будет сделано, и даже "бюро похоронных процессий" мы не дадим ничего заработать. Все сами сделаем, на своих плечах понесем; и потом — некрологи, и еще раньше — бюллетени о здоровье, и... "воспоминания", "воспоминания"...

В. Розанов